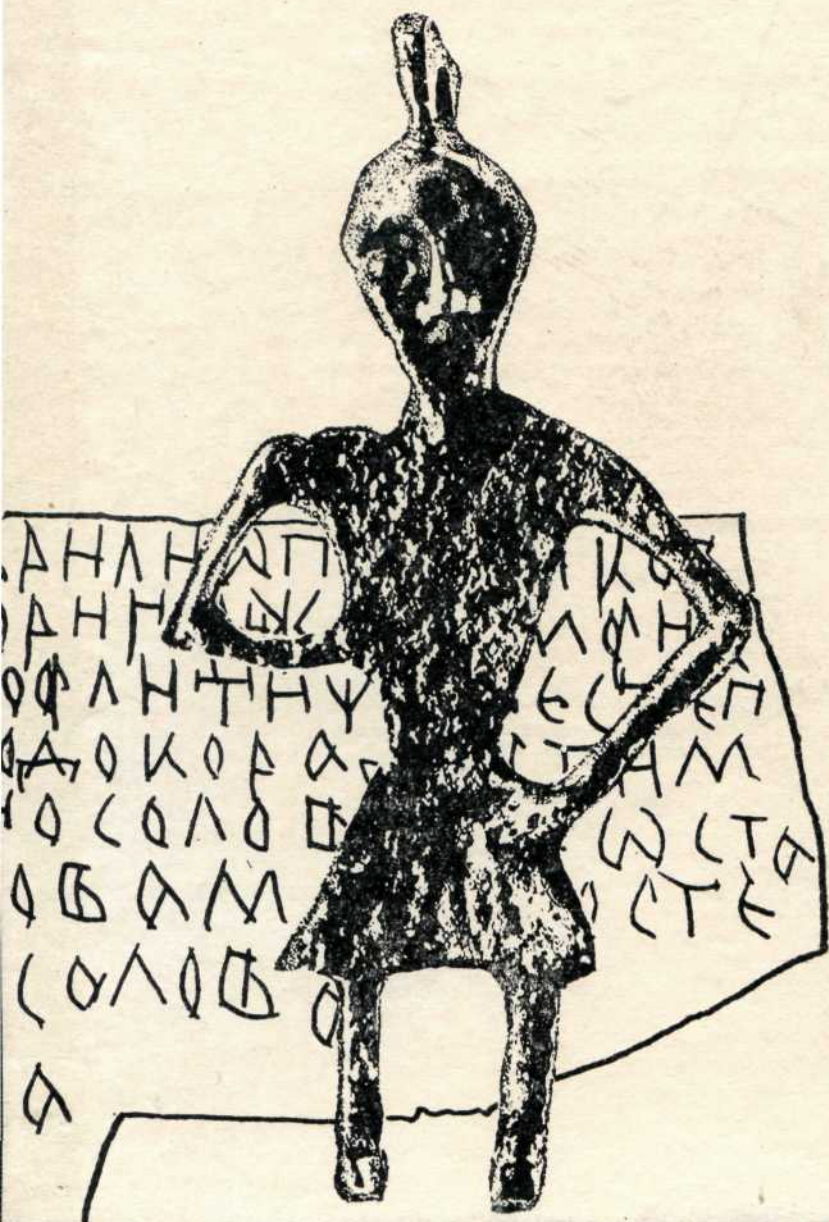

ПУТЕШЕСТВИЯ В ДРЕВНОСТЬ

ПУТЕШЕСТВИЯ В ДРЕВНОСТЬ

Под редакцией
чл.-кор. АН СССР
В.Л. ЯНИНА

Издательство
Московского университета
1983

Л. Р. Кызласов

ОБРЕТЕНИЕ ПУТИ В НАУКУ

[Воспоминания о Московском университете, относящиеся ко времени ..., когда автор в нем еще не был]

1

Московский университет — мощный светоч знаний и культуры. И это далеко не тривиальная фраза. Она наполнена значительным и глубоким содержанием. Московский университет — это в то же время «магический магнит» огромной притягательной силы. Сколько молодых (да и не только молодых!) людей со всех концов света ежегодно собираются у его стен.

Правдивый рассказ о начале моей жизни сможет, вероятно, до некоторой степени помочь раскрытию механизма воздействия на человека этого концентрированного разума, рассылающего вокруг себя светлые лучи-импульсы, уходящие в бескрайние дали.

Но начинать придется издалека. В начале 70-х годов прошлого века в Московском университете завершал свое образование студент Николай Михайлович Мартьянов (1844—1904). Молодой человек живо интересовался естественными науками, слушал лекции по фармацевтике, зоологии, геологии и минералогии, в свободное время увлеченно работал в университетском ботаническом саду. Студента Мартьянова интересовали, однако, не только пышное царство растений и красочный мир минералов, но жизнь и судьба простого человека. Получая естественнонаучные знания, он прежде всего думал о том, как следует употребить их с

пользой для многочисленных непросвещенных и в большинстве своем обездоленных соотечественников.

Университет сформировал его как ученого и как практика, научил «сеять разумное, доброе, вечное». По окончании курса он был выпущен в жизнь провизором. Н. М. Мартьянов полагал, что, став фармацевтом и работая в аптеке, он наилучшим образом сможет помочь страждущим людям, непосредственно участвуя в облегчении их физических страданий и излечении недугов. В то же время он будет собирать лечебные травы, гербарий растений и минералогические коллекции, изучая окружающую природу и принося тем самым пользу науке. Но этого мало. Уже в студенческие годы Мартьянов осознал, что наилучшим способом распространения в народе научных знаний является повсеместное создание общеобразовательных краеведческих музеев. И он взял себе за правило, всюду, где возможно, собирать различные естественнонаучные коллекции.

Чтобы труд всей его жизни оказался наиболее эффективным, Николай Михайлович по окончании университета постарался избрать для своей деятельности место, не только мало изученное в научном отношении, но и отдаленное от центров цивилизации. Никогда до того не переезжавший Уральский хребет Мартьянов решил добровольно поехать в страшный по тем временам край каторги и ссылки — в Сибирь, в далекую Енисейскую губернию.

Так, в 1874 г. выпускник Московского университета стал аптекарем в глухом и пыльном мещанско-купеческом уездном городке Минусинске. А в 1877 г. им был открыт основанный на частные пожертвования первый в Сибири краеведческий музей, сыгравший исключительную роль в распространении среди сибиряков начатков культуры и просвещения. Верным помощником Мартьянова в создании «Минусинского публичного местного музея» стал сын декабриста М. А. Крюкова, преподаватель Минусинского училища Т. А. Сайлотов (1846—1918), также учившийся в начале 60-х годов в Московском университете.

Так, в далеком «медвежьем» углу тогдашней Российской империи, где прозябали полуневежественные обыватели и мелкие купчишки, где трудились темные неграмотные крестьяне и забитые «инородцы» — хакасы, где томилась в ссылке лучшие люди революцион-

ной России (начиная с декабристов), появилось первое просветительское учреждение демократического направления.

Питомцы Московского университета Н. М. Мартьянов и Т. А. Сайлотов создали не только музей, но и научную библиотеку при нем. Постепенно они слотили вокруг себя политических ссыльных Минусинска, многие из которых, став активными сотрудниками или корреспондентами музея, создали ряд значительных трудов по истории, археологии, этнографии, экономике и краеведению Южной Сибири. Некоторые затем стали крупными учеными и общественными деятелями. Среди них были социал-демократы (впоследствии большевики) Ф. Я. Кон и В. А. Ватин; народовольцы Д. А. Клеменц и И. П. Белоконский; студент Московского университета П. А. Аргунов, сосланный за переводы и распространение трудов К. Маркса и Ф. Энгельса; член «Социально-революционной партии Народного права» Е. К. Яковлев и другие.

С Н. М. Мартьяновым познакомился и общался в период своей ссылки в Минусинский уезд Владимир Ильич Ленин, приезжавший из села Шушенского для работы в библиотеку музея.

В 1977 г. был торжественно отмечен 100-летний юбилей известного всей стране Минусинского музея, ныне достойно носящего имя своего основателя Н. М. Мартьянова.

2

Для жителей Минусинска, Абакана, Черногорска, окружающих деревень и хакасских улусов знакомство с Минусинским музеем начинается с детства. Одиннадцать лет от роду с ним познакомился и я. Это было в давно прошедшем 1935 году. Несмотря на юный возраст, мне, родившемуся в отдаленном хакасском улусе, удалось все же повидать к тому времени немало первоклассных музеев. В 1930—1934 гг. родители учились в Ленинграде. За эти четыре года не было почти ни одного воскресного дня, когда бы наша семья не посетила дворцов и музеев Ленинграда, Детского Села, Павловска, Петергофа, Гатчины и других близлежащих городов.

Но именно Минусинский музей, начиная с первого его посещения, произвел особенное, неизгладимое впе-

чатление и оставил значительный след в моей жизни. Дело в том, что в просторном светлом зале большого здания из темно-красного старинного кирпича я тогда увидел неожиданный и удивительный мир невероятно древних вещей, уводивших воображение в легендарные, почти сказочные времена раннего детства той части человечества, которая обитала на берегах моего родного Енисея!

Оказалось, что люди, создавшие эти, теперь музейные, предметы тысячу, пять или даже двадцать пять тысяч лет тому назад, были не только нашими далекими предками, но и нашими земляками. Они жили здесь же — в бассейнах рек Енисея, Абакана и Чулыма — на нашей, как выясняется, очень древней хакасско-минусинской земле.

Древние люди охотились и ловили рыбу, обрабатывали землю и пасли скот, добывали руду в горах и строили свои селения. Они творили и развивались, по крупицам собирали знания и опыт, чтобы передать их последующим поколениям, а значит, и нам. Они умирали и оставляли в родных степях свои загадочные теперь могилы — земляные бугры, обставленные огромными каменными плитами. В народе их считают сооружениями не людей, а великанов или богатырей.

Вот каменный топор. Его изготовил и им работал мой далекий предок и предшественник. В той витрине выставлены уже бронзовые орудия. А дальше — железные сошники, серпы, мечи, удила и стремена. Посмотрите на эти каменные плиты с вырезанными на них непонятными теперь древними письменами. Оказывается, это самобытная енисейская письменность наших предков — древних хакасов...

Хотя все эти мысли сформировались не сразу, но отчетливо помню свое детское впечатление — такого музея мне еще видеть не приходилось. Этот удивительно близкий нам, сибирякам, краеведческий музей наглядно и зримо раскрывает всю историю родной южно-сибирской земли. А как же, казалось мне, работают в музее совершенно особые и очень ученые люди! Откуда они?

Тогда мне, конечно, не было известно, что в Минусинском музее благодаря великолепным плодам разума и рук бывших питомцев Московского университета, и в первую очередь Николая Михайловича Мартынова,

я впервые как бы встретился с самим Московским университетом, с первым его призывом к ознакомлению с бесконечно разнообразным миром человеческих знаний.

3

В возрасте 14 лет, едва окончив семилетнюю неполную среднюю школу в г. Абакане, я встретился с замечательным ученым Варварой Павловной Левашевой (1901—1974), работавшей археологом в том же самом мартьяновском музее. Это была истинная подвижница науки, великий бескорыстный ее труженик. Окончив курс Московского университета в 1925 г., молодая москвичка, ученица известного русского археолога профессора В. А. Городцова, с энтузиазмом поехала в неведомую для нее тогда Сибирь, чтобы вложить свой труд в познание неизвестных древних культур сибирских аборигенов. 20 лет проработала она в музеях Омска (в 1926—1930 гг.) и Минусинска (в 1930—1946 гг.), прежде чем вернулась назад в Москву, где до конца жизни трудилась в Государственном Историческом музее.

Варвару Павловну я считаю своей первой учительницей в области сибирской археологии, ибо она смело доверила мне, подростку, не только лопату, но нож и кисть для расчистки древних захоронений, раскопки которых она производила в 1938 г. в черте г. Абакана. И мы с товарищем, волнуясь от нетерпения, сбежали с уроков, потому что Варвара Павловна оказала нам неслыханное доверие — позволила участвовать в научных открытиях! Нами овладело совершенно незнакомое до той поры чувство. Это волшебное ощущение приходит тогда, когда ты сам с помощью совка, ножа и кисточки открываешь древние бронзовые топоры, кинжалы, ножи, глиняные горшки, костяные гребни, стеклянные бусы и другие предметы, захороненные в землю около двух с половиной тысяч лет назад! С тех пор они оставались никому не известными, забытыми, а теперь попадали в наши руки.

О великое, прекрасное чувство первооткрывательства! Подозреваю, что и оно сыграло не последнюю роль в том, что я выбрал профессию археолога. В 1939 г. в Минусинском музее довелось купить интереснейшую

научно-популярную книгу В. П. Левашевой «Из далекого прошлого южной части Красноярского края». В ней все археологические материалы музея приведены в стройную систему.

И тогда я еще не знал, что произошла моя вторая встреча с Московским университетом, достойным посланцем и воспитанницей которого была В. П. Левашева. А зов Московского университета и притяжение его становились все сильнее.

4

В предвоенном 1940 г., шестнадцати лет, мне удалось впервые увидеть в Абакане профессора кафедры археологии Московского университета Сергея Владимировича Киселева (1905—1962). Я никогда не был в Москве и не представлял себе, как должен выглядеть настоящий профессор. Каким образом он появился в нашем степном городишке?

Как-то летом я увидел афишу, в которой сообщалось, что в Зеленом театре городского сада известный историк и археолог профессор Московского университета С. В. Киселев прочтет лекцию «История хакасского народа». Задолго до назначенного времени я прибежал в городской сад.

Профессор поразил меня своим необычным выразительным лицом, большой внутренней силой и энергией, прорывающейся в его манере говорить и жестикулировать. Отчетливо понял — это необыкновенный человек. Не знал я тогда, что встретил своего Большого учителя. Не подумал даже, что именно он выведет меня на широкую дорогу жизни, сделает ученым. Но до этого было еще далеко. Учиться к нему я приду после тяжелых лет войны, после долгих фронтовых дорог, каждый метр которых приходилось брать с боем. Таким был путь юношей моего поколения в университетскую науку.

Летом 1940 г., сидя на первой в своей жизни лекции университетского профессора, я еще ничего этого не знал. Профессор, глубокий знаток истории Южной Сибири, говорил увлеченно и быстро. Его рокошующий сильный бас разносился далеко за пределы Зеленого театра. Я сидел взволнованный и оробевший. Признаться, многое из того, что он говорил, было мне тогда

непонятно. Осознал только, что надо еще многому учиться, что наука сложна и загадочна. Помню, после лекции уходил с чувством большой гордости от приобщения к настоящей науке.

Такой была моя третья встреча с Московским университетом, который, если можно так сказать, сам пришел ко мне, в Абакан, в лице одного из своих многоуважаемых профессоров. Тогда я впервые задумался о том, что же это такое Московский университет, в котором учились и преподавали такие достойные люди? А главное, я осознал, что В. П. Левашева и С. В. Киселев занимаются именно тем самым, что так сильно интересует и увлекает меня самого, — историей родного хакасского народа.

5

Как уже говорилось, много тяжелейших препятствий оказалось на моем пути в Московский университет, но иногда он и сам как бы приближался ко мне.

В 1941 г. грянула Великая Отечественная война. Я только что окончил среднюю школу. В 17 лет добровольцем в армию меня не взяли. Сказали: «Пока учишься дальше!» А где? В июле бомбили Ленинград и Москву. Проезд на запад был закрыт. Тогда я уехал и поступил на историко-филологический факультет Томского университета, где была объявлена специализация студентов по археологии. В ту тяжелую первую военную зиму в Томске оказалось много эвакуированных с запада заводов, учреждений и людей. Приехал и разместился «Всесоюзный комитет по делам высшей школы СССР» (ВКВШ), как тогда называлось современное Министерство высшего и среднего специального образования СССР. Приехали многие профессора и преподаватели высших учебных заведений, в том числе и часть профессоров Московского университета. И еще не видя стен Московского университета, я получил счастливую возможность учиться непосредственно у его профессоров и доцентов. Так Московский университет снова пришел ко мне.

Огромное влияние на меня оказали замечательные лекции по истории средневековой Европы, которые, сцепив перед собой руки, улыбаясь и слегка покачиваясь, читал нам превосходный знаток древних герман-

цев и блестящий лектор, профессор Александр Иосифович Неусыхин. В его семинаре по раннему феодализму я работал с особым интересом. И, может быть, не случайно, впоследствии став археологом, специалистом по истории и археологии Сибири и Центральной Азии, я все же наибольшее влечение испытываю к средневековому периоду и средневековой культуре.

Исключительное значение для моего культурного роста имели блестящие по форме и глубине содержания лекции, посвященные античной, средневековой и новой западноевропейской литературе, которые читал нам доцент Роман Михайлович Самарин, впоследствии профессор и многолетний декан филологического факультета Московского университета. Москвичами были и некоторые другие преподаватели филологии и древних языков.

Так произошла моя четвертая встреча с Московским университетом, которая в далеком Томске, в суровую голодную зиму 1941/42 г., наполнила все мое существо великой и непоборимой жаждой познания научной истины, радостью духовного взлета, раскрыла светлые и безбрежные горизонты.

Несмотря на все невзгоды и трудности военного времени, дух мой закалился, появилась и окрепла решимость после исполнения своего гражданского долга — участия в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками на фронтах Отечественной войны — прийти в Московский университет к своим любимым профессорам и вновь стать студентом.

После окончания первого курса мне исполнилось 18 лет и я ушел в армию, гордясь тем, что уже имею незаконченное высшее образование, что еще на одну ступень приблизился к Московскому университету. А пока пора было догонять своих воюющих на фронтах школьных друзей.

6

В 1942—1945 гг. юный студент-гуманитарий был танкистом, механиком-водителем грозной боевой машины — танка «Т-34». Совершалось возмездие над фашизмом. Советские войска шли на запад, освобождая Украину, Польшу и Чехословакию. Легкое ранение в Карпатах, но путь продолжался дальше — через Одер

в Германию. Тяжелое ранение и ожоги получены в начавшейся ожесточенной битве за Берлин. Госпиталь, инвалидность. Немой вопрос: смогу ли я, безрукий инвалид, стать археологом? И вот он, счастливый день, 26 июля 1945 года. Я сошел на перроне Курского вокзала в Москве. Где он, Университет? Как проехать к нему? В солдатском обмундировании, с дорожным мешком за спиной и с протезом вместо левой руки я стою у решетки Александровского сада и смотрю через Манежную площадь, туда, где впереди, на Моховой улице, возвышается строгое монументальное здание университета. Бывалый солдат двадцати одного года от роду, прошедший с трудными боями тысячи верст по дорогам Европы, я испытывал во время первой встречи огромную робость и волнение. Слезы застилали глаза.

«Здравствуй, мой университет! Долго же ты ждал меня. А как долго и трудно я шел к тебе. Наконец-то наша встреча свершилась!»

...С тех пор я с Московским университетом не расстаюсь. Вот уже 38 лет.

[Итак 59 лет - 2004г.]